

УДК 821.161.1

Л.В. Гармаш

**МОТИВ ТОСКИ В РОМАНАХ Ф.К. СОЛОГУБА
«ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ» И «МЕЛКИЙ БЕС»
(ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Понятие «тоска» имеет давнюю литературную традицию. В древнерусской литературе слово «тоска» появляется уже в «Слове о полку Игореве». Оно обозначает «стеснение, горе, печаль; беспокойство, волнение» [14, с. 88]. В словаре В. Даля в его семантическое поле включаются такие значения, как «стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь» [8, стб. 810]. Ю.С. Степанов отмечает специфичность понятия «тоска» для русского сознания. В словаре концептов русской культуры он приводит примеры художественного воплощения этого чувства в произведениях А.С. Пушкина, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, Ю.К. Олеси [12, с. 903-910]. У героев Достоевского – Раскольникова, Сони Мармеладовой, Ивана Карамазова, Ставрогина и других – чувство тоски возникает в критические, переломные моменты их жизни, в периоды преодоления тяжелейших испытаний и включает в себя обширный спектр символических смыслов, связанных с переживанием богооставленности, отчаянием, сильнейшими душевными терзаниями. Понятию «тоска» отведено особое место в поэтическом словаре И. Анненского. Она становится, как пишет А.Е. Барзах, обозначением «всей мистерии несвершающегося Преображения как целого» [1]. В мире, который все больше напоминает «палату № 6», тоскуют чеховские герои: «писатель показал человека, столкнувшегося с *ничто* как внутри самого себя, так и в окружающей его жизни» [9, с. 224]. Переживание этого чувства может привести как к безумию и смерти, так и к внутреннему освобождению и настоящему счастью.

Целью данной работы является анализ мотива тоски в романах Ф.К. Сологуба «Тяжелые сны» и «Мелкий бес». Особое внимание будет уделено роли танатологической составляющей в семантическом поле данного мотива.

Ученые обратили внимание на существование в языковом сознании двух видов тоски [7]. К первому типу относится тоска по чему-либо несбыточному, что или безвозвратно кануло в прошлое, или манит в будущем. Второй тип тоски – это тоска беспредметная, неоформленная, невыразимая, у которой невозможно установить конкретную причину ее возникновения. Обе разновидности представлены в творчестве Сологуба.

В первой главе «Тяжелых снов» главный герой романа Логин говорит о том, что «всечеловеческая дерзость» в его душе оказывается бессильной перед бессмысленно проходящей жизнью. В монологе героя звучит мотив безвременья, характерный для творчества символистов рубежа веков. Он выражен в танатологическом мотиве «умирающих дней», который соединен с двумя сплавленными воедино мотивами – тоски и «нового неба и новой земли». Второй мотив явно отсылает читателя к тексту пророчества Иоанна Богослова о новом небе и новой земле (Откр. 21:1). Занявшись саморефлексией, Логин обнаружил в своей душе «тот же тоскливый вопрос о родине <...> Идите к нему, небо и землю создаст он вам» [11, с. 23]. В уста главного героя автор вкладывает непрямую цитату из Книги пророка Исайи, где говорится: «Ибо вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце» (Ис. 65:17). Предположительно причиной тоски героя является его неверие в возможность осуществления этого пророчества. Чувство Логина в начале повествования контрастирует с восторженным пафосом, который присущ данному мотиву у младосимволистов, в «период зорь» убежденных, что приближается «невозможное, нежное, вечное, милое, старое и новое во все времена» [3, с. 133], что они станут свидетелями преображения мира, когда «кончится история» и начнется «восстание мертвых» [2, л. 17]. В конце романа Сологуба этот мотив повторяется, образуя кольцевую композицию произведе-

ния, однако в последней главе «Тяжелых снов» он звучит гораздо более оптимистически. Благодаря участию Анны смертельная болезнь Логина, раненного во время холерного бунта, отступила. Героиня уверена, что после перенесенных испытаний Логин возродится: «встанет новый человек, свободный и безбоязненный, для новой свободной жизни, человек, с которым она пойдет вперед и выше, в новую землю, под новые небеса. И смерть отошла от постели Логина, и уступила свое дело жизни» [11, с. 242]. Как видим, здесь два мотива – смерти и новой жизни – противопоставлены друг другу и первый побеждается вторым. Однако данная цитата воспроизводит мнение Анны, но ее уверенность не разделяется нарратором. Буквально через несколько строк, в эпилоге, мотив новой жизни появляется снова, но вместо утверждения здесь звучит вопрос: «Прошла своим чередом болезнь, – для Логина и Анны началась новая жизнь, обновленные небеса засинели над ними, но что будет с ними и куда придут они?», который свидетельствует о сомнениях нарратора, когда он раздумывает о будущем героев. Вообще весь эпилог написан в духе иронических концовок романтиков, в частности, новеллы Гофмана «Золотой горшок». После страшных приключений, любовных историй, мистических тайн, призраков, русалок, изнасилования, кровавого убийства и самоубийства, холерного бунта персонажи успокоились и обрели тихое мещанское счастье. И хотя последняя фраза романа звучит почти нейтрально – «итак, всё идет по-старому, как заведено, и только Логин и Анна думают, что для них началась новая жизнь» [11, с. 244], – нарратор явно дает читателю понять, что ничего не изменилось, status quo восстановлен, а новая жизнь героев, увы, только иллюзия, не имеющая ничего общего с реальностью. Выскажем догадку, что прошлое, которое Логин изо всех сил пытался уничтожить, так же неуловимо, как и недотыкомка из «Мелкого беса». Как будто предчувствуя свое поражение, Логин еще в начале романа спрашивает у Анны: «И отчего не исполняются надежды? – тоскливо заговорил он» [11, с. 33], и мотив несбывшихся надежд усиливается мотивом тоски, с какой он задает свой вопрос. Таким же несбыточной кажется Логину придуманная им идея об

организации общества взаимопомощи, мысль о которой сопровождается чувством тоски. С особыми страданиями, вызывающими томительную тоску, для него сопряжены воспоминания о прошлом. Таким образом, причиной мотива тоски, которая мучает главного героя романа «Тяжелые сны», является неосуществимое стремление к новой жизни. Тоска Логина, говоря словами Н. Бердяева, «обращена к трансцендентному. Тоска по трансцендентному, по иному, чем этот мир, по переходящему за границы этого мира» [4, с. 27].

Анализируя основные черты концепта «тоска» в русском языковом сознании, И.Ю. Вертелова приходит к выводу о существовании представлений, согласно которым, «тоска находится внутри субъекта, связываясь с его наивной анатомией. В частности, она мыслится находящейся где-то ниже сердца в тех случаях, когда она не дает о себе знать. Активизируясь, она приближается к сердцу и завладевает им или, достигая сердца, входит в него» [6, с. 161]. Именно это и происходит с Клавдией и Логиным в критические моменты их жизни. Клавдией овладевает тоска в ту самую ночь, когда к ней является призрак ее матери и прокликает за связь с Палтусовым, после чего утром девушка заболевает. На пороге смерти ее охватывают равнодушие и усталость, которые сопровождаются специфическими телесными ощущениями того, как внутри нее «тоска подымалась к сердцу» [11, с. 210], что чаще всего сигнализирует о тяжелом физическом и душевном состоянии субъекта, чреватом губительными последствиями.

Местом локализации чувства тоски становится сердце главного героя «Тяжелых снов»: «тоска сжимала сердце, так сжимала, что трудно становилось дышать» [11, с. 47]. Он буквально физически ощущает тоску, припадок которой напоминает сердечный приступ. Чувство сжатия во время приступа тоски отвечает этимологии этого слова. Рассматривая круг его значений в древнерусском языке, Ю. Степанов отмечает, что они «четко группируются вокруг признака «стеснение, давление, натиск»» [12, с. 896]. Подобное ощущение испытывает главный герой романа «Мелкий бес» Передонов: «тоска теснила его грудь» [10, с. 187].

Повествуя о жизни Логина, нарратор сообщает, что герою приходилось переживать такие моменты, когда «невыносимая тоска сжимала сердце, и все могилы душевного кладбища высылали своих мертвецов, – тогда изглаживалась в душе память об ее другом, лучшем мире» [11, с. 91]. В этом фрагменте опять мы видим сочетание мотива тоски и порождаемого им мотива смерти («душевного кладбища»). Тоска активизирует ту сферу души героя, которая наделена танатологическим статусом и соотносится с «нижней бездной», противопоставленной памяти о «другом, лучшем мире». В конце концов это приводит к расщеплению личности героя. Несколько раз ему представляется, что он сидит за столом в своей комнате и смотрит на собственный труп, лежащий в постели, что он и есть этот «холодный и неподвижный мертвец. Страшная тоска сжала сердце» [11, с. 94]. Деструктивное влияние тоски сопровождается тяжелым психическим расстройством героя, что прямо отмечает нарратор: терзая «обезумевшего от тоски человека», Логин осознает, «что мучит он самого себя» [11, с. 95].

Таким образом, тоска агрессивно воздействует на героя, разрушая его как телесно, так и духовно, на основании чего в контексте романов Сологуба мы можем рассматривать мотив тоски как такой, который имеет явно выраженные танатологические признаки. В романе «Мелкий бес» трижды на небольшом пространстве текста повторяется выражение «смертная тоска». Такой, нагоняющий на слушателя смертную тоску, представляется нарратору русская народная песня: «Тоска, воплощенная в диком галдении, тоска, гнусным пламенем пожирающая живое слово, низводящая когда-то живую песню к безумному вою!», в которой живое слово превращается в дикое галдение и в безумный вой [10, с. 117-118]. Здесь разрушительный характер тоски распространяется не только на персонажей романа, но отмечается как общее свойство, которое приобретает, по мнению Сологуба, русская песня современной ему эпохи.

Танатологический характер тоски также проистекает из устремленности этого чувства к области трансцендентного. Н. Бердяев полагал, что «тоска направлена к высшему миру и сопровождается

чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира» [4, с. 27]. Осознанием тленности мира, в котором всё без исключения подвержено разрушению и гибели, ощущением невозможности сохранить редкие мгновения счастья вызвана тоска Логина в моменты общения с Анной: «Умерла минута счастья – и не воскреснет!» Что-то поблекло, отлетело. Минуты умирали. Было тоскливо и больно» [11, с. 139]. Это такая же тоска по утраченным минутам счастья, которые пытается вновь пережить герой романа М. Пруста «В поисках утраченного времени», погружаясь в воспоминания о прошлом.

По мнению Ю. Степанова, в произведениях Достоевского «все признаки русской тоски собраны: мокрый снег, желтый, мутный; темнота; может быть, огарок свечи, готовый погаснуть; теснота, давит что-то; тошнота, тошно; и тоска; и мысль о могиле» [12, с. 683]. Как видим, многие из них совпадают с характерными чертами тоски, которые мы отметили в романах Сологуба. Знаменательно, что и у Достоевского, и у Сологуба тоска включает в себя танатологические коннотации. Подобными смыслами наделено это понятие и у А. Платонова. В частности, в художественном мире платоновского «Чевенгура» даже смерть оказывается не такой страшной, как тоска, которой буквально пропитан роман.

Чувство тоски ощущается в голосе героев Сологуба, отражается в их взгляде, что отмечает как нарратор, так и другие персонажи романов. Взглянув в зеркало, Логин замечает в своем облике только глаза и воспринимает их как самостоятельный, отдельно от него существующий субъект, охваченный тоской: «Тоскующие глаза глянули на него из зеркала» [11, с. 107]. «Тоскливые глаза Логина» поражают мальчика Леню, которого герой нашел в лесу и приютил в своем доме. В портрете Передонова признаки тоски выражены меньше. «С тоскою в голосе» он мечтает о подходящей невесте [10, с. 13], разговаривает с Варварой, Володиным и другими персонажами романа. Чаще беспричинная тоска сопровождает мысли героя «Мелкого беса», о чем бы он не подумал – о Володине, Варваре, соглядатаях и т.д., окрашивая окружающий его мир в мрачные тона и акцентируя его внимание на отрицательных качествах персонажа, которые в со-

знании Передонова приобретают гиперболизированные фантастические очертания. Внутреннее состояние героя, как в кривом зеркале, отражается в природе, поэтому Передонов чувствует собственные тоску и страх «под личиною ее враждебности к нему» [10, с. 179].

В романах часто хорошая погода (например, ясное, светлое весеннее утро) контрастирует с беспричинной тоской героев. Чтобы хоть немного заглушить это чувство, герои «Тяжелых снов» прибегают к вину. «Тоскливая жажда тянула к вину» Логина, «тосковал по водке» его приятель Баглаев, из-за преследующей Клавдию тоски она, по мнению Зинаиды Романовны, пьет вино, «чтобы забыться» [11, с. 209]. Но это средство спасительно действует недолго. Логину всего лишь минуту вкус вина доставляет удовольствие, потом, как отмечает нарратор, ему «опять становилось тоскливо» [11, с. 91]. Самое страшное для Логина заключается в том, что и убийство он также совершает, будучи под воздействием алкоголя, не владея собой, не осознавая, что делает: «Я был тогда пьян, – злобно думал он, – и ничего не соображал. Я шел, куда несли меня ноги да моя пьяная удача. Убийство спьяна! И ей я не сказал, что был пьян!» [11, с. 234]. Он не признается в этом Анне, вероятно, потому, что «убийство спьяна» дискредитирует саму идею Логина – избавление от своего «порочного прошлого», которое воплощает фигура Мотовилова. Главный герой «Мелкого беса» тоже регулярно пьет, что для других персонажей романа является оправданием его странных выходок. Последняя трапеза, на которую был приглашен Володин, состоит из водки с пирожками и ассоциируется с поминками. Тем более, что Передонов выпивая с Володиным и Варварой, предлагает «выпить вдвоем», намекая тем самым о приближении кончины Володина, уже исключенного в воображении Передонова из разряда живых существ.

Чувство тоски чаще всего соединяется с родственными ему чувствами одиночества, грусти, скуки, страха, злобы, болью, безнадежностью у Логина и одиночеством, страхом, безнадежностью, холодом, злобой у Передонова.

К концептуально значимым признакам понятия «тоска» И.Ю. Вертелова относит «пустоту». Тоска является «принципиально

внутренним переживанием, при котором человек рассматривает себя как объект воздействия опустошающей его силы» [7, с. 228]. Мотив душевной пустоты в «Тяжелых снах» подразумевает отсутствие смысла жизни, которое выражается в «пустоте дней», «пустоте жизни», и «пустоте души». Основоположник швейцарской психологии Л. Бинсвангер считает, что если мир человека пуст, то он становится шатким и неустойчивым. Выводы психиатра соответствуют наблюдениям Сологуба, поразительно точно воплощенным в образе «шатких устоев» в «Тяжелых снах». Внутренняя пустота, по мнению психолога, приводит к усилению тревоги и страха и тогда оказывается, что «экзистенция как бытие-в-мире, детерминирована ужасностью и небытием. Источник ужаса – сама экзистенция» [5, с. 20].

*В словаре Ю. Степанова «тоска, страх» анализируются как единый концепт, что объясняется особенностями экзистенциального мировоззрения, сформировавшегося в XX веке в трудах русских и зарубежных философов. Одним из ключевых его понятий является французское слово *angoisse*, которое переводится как «тоска, страх, тревога», так как «именно это слово является эквивалентом для передачи концепта “страх перед существованием вообще”, открытого и четко сформулированного датчанином С. Кьеркегором» [12, с. 896]. Изданная С. Кьеркегором в 1844 году книга «*Begrebet Angest*» переводится двояко – то как «Концепт тоски», то как «Понятие страха», что свидетельствует о семантическом сходстве между данными понятиями.*

Страх Логина перед жизнью и страх смерти Передонова – это, в сущности, один и тот же экзистенциальный страх, для выражения которого Л.Н. Толстой нашел емкую формулу: «Ничего нет в жизни, а есть смерть, а ее не должно быть» [13, с. 470]. К такому выводу приходит герой «Записок сумасшедшего», оказываясь лицом к лицу со смертью. В романе Сологуба «Тяжелые сны» главный герой после совершения убийства впадает в состояние полной беспомощности. Он практически лишился способности адекватно воспринимать окружающий мир, сознательная жизнь в нем как бы замерла. По-

жалуй, чуть ли не единственное, что у него осталось специфически человеческого – это чувство тоски, тонкой нитью соединяющей его душу с миром.

Тесно переплетаются в «Мелком бесе» Сологуба мотивы тоски и страха. Они сконцентрированы в образе Передонова, который видится нарратору как «некий демон, томящийся в мрачном одиночестве страхом и тоскою» [10, с. 74]. Такое описание героя как демонического существа вызывает ассоциации со знаменитыми демонами М. Врубеля.

Главный герой «Тяжелый снов», сравнивая себя с Клавдией, приходит к выводу, что тяжелые события, пережитые в прошлом, опустошили их души: «Недавняя гроза прошла по ее душе и опустошила ее, как это было и со мною когда-то» [11, с. 109]. Альтернативной точки зрения придерживается Анна Ермилова. Пытаясь убедить Логина в своей правоте, она утверждает: «Дело в том, чтоб жизнь была полна, – тогда в ней есть и смысл, и счастье» [11, с. 139]. По мнению героини, человек должен принимать в жизни не только ее приятную сторону, но уметь ценить как наслаждение, так и боль: «Хорошо испытывать разное. Струи Мэота, и боль от лозины – во всем есть полнота ощущений. <...> Хорошо чувствовать, как падают грани между мною и внешним миром, – сродниться с землею и с воздухом, со всем этим» [11, с. 158]. Мотив радости-страдания затем подхватят и разовьют в своем творчестве младосимволисты – А. Блок в драме «Роза и Крест», А. Белый в «Кубке метелей» и др.

Понятие «тоска» в романах Сологуба может приобретать положительное значение. Так, это чувство сопровождает мечты Логина во время его прогулки к дому Анны Ермолиной. Прилив душевных сил героя вызван именно переживанием тоски: «Томительная, сладкая тоска, беспокойная, узкокрылая ласточка, реяла над сердцем. И сердце так билось, и глаза так блестели, и грудь так вздымалась и томилась весеннею жаждою, обольстительною жаждою, которую утолит только любовь, а может быть, только могила!» [11, с. 199]. В данном пассаже мотив тоски соединяется с мотивами любви и смерти, что вполне отвечает мировоззренческой позиции автора, полагавшего, что между

любовью и смертью можно поставить знак равенства. Сологуб рассматривает эти два понятия как тождественные. Кроме того смерть здесь выступает как индикатор подлинности внутреннего состояния героя, искренности и правдивости его переживаний. Парадоксальным образом тоска, будучи одним из важнейших индикаторов утраты ценностных ориентиров и кризиса культуры, свидетельствует о потенциальной возможности отыскания основ человеческой сущности даже в условиях тотального омертвления наличного бытия. Логин оказывается способным преодолеть тоску, погружаясь после выздоровления в «новые, значительные мысли», под наплывом которых «постепенно рассеивалась тоска, и холодное спокойствие, ясное, как морозный воздух, осеняло душу» [11, с. 240]. Альтернативой иррациональной тоске у главного героя Сологуба становится рациональное, холодное спокойствие. От душевных метаний, постоянного напряжения и борьбы Логин приходит к состоянию внутреннего равновесия, означая, что теперь сознательное доминирует над бессознательным.

Таким образом, мотив тоски в произведениях Сологуба связан с ощущением душевной пустоты, которую болезненно переживают главные герои романов «Тяжелые сны» (Логин, Анна, Клавдия) и «Мелкий бес» (Передонов), оказавшиеся стоящими лицом к лицу перед ужасом экзистенции. Семантическое поле мотива насыщено разнообразными смыслами, включающими переживание богооставленности, отчаяния, тленности земного мира, устремленности к трансцендентному.

Литература

1. Барзах А.Е. Тоска Анненского [Электронный ресурс] / А.Е. Барзах. // Митин журнал. – Вып. 53. – 1996. – С. 97–124. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/metatext/mj53/barzah2.html>.
2. Белый А. Материал к биографии (интимный) / А. Белый. – ЦГАЛИ, ф. 53, оп. 2, ед. хр. 3, л. 17.
3. Белый А. Симфонии / А. Белый. [Вступит. статья, сост., подготовка текста и прим. А.В. Лаврова]. – Л.: Худож. лит., 1991. – 528 с.

4. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – 448 с.
5. Бинсвангер Л. Экзистенциально-аналитическая школа мысли / Л. Бинсвангер // Экзистенциальный анализ / [пер. под ред. С. Римского]. – [2-е изд., перераб.]. – М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2014. – С. 3-29.
6. Вертелова И.Ю. Концептуализация внутреннего мира человека в русском языке: Психические состояния печали: дисс. ... канд. филолог. наук: 10.02.01 / И.Ю. Вертелова. – Калининград, 2001. – 175 с.
7. Вертелова И.Ю. Семантические истоки идеи грусти, печали и кручины в русском языковом сознании / И.Ю. Вертелова. // Слово в тексте, словаре и культуре. – Калининград, 2004. – С. 228-236.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль / [под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ]. – 3-изд., испр. и доп. – СПб.: Издание поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М.О. Вольф, 1903. – Т.4. – 1782 стб.
9. Одесская М. Были ли идеалы у господина Чехова? / М.М. Одесская. // Вестник РГГУ. – Сер. Журналистика. Литературная критика. – М., 2008. – № 11. – С. 219-227.
10. Сологуб Ф. Мелкий бес / Ф.К. Сологуб. – СПб.: Наука, 2004. – 891 с.
11. Сологуб Ф. Тяжелые сны: Роман; Рассказы / Ф.К. Сологуб. – Л.: Худож. лит., 1990. – 368 с.
12. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
13. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. / Л.Н. Толстой. – М.: ГИХЛ, 1936. – Т. 26: Произведения 1885-1889. – 949 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 4. – 864 с.

Анотація

Л.В. Гармаш. Мотив туги в романах Ф.К. Сологуба «Важкі сні» та «Дрібний біс» (танатологічний аспект).

Стаття присвячена аналізу мотиву туги в романах Федора Сологуба «Важкі сні» і «Дрібний біс». Автор статті вважає, що почуття туги активно впливає на героїв Сологуба, руйнуючи їх як тілесно, так і духовно, на підставі чого робиться висновок, що мотив туги має явно виражені танатологічні ознаки. Деструктивний характер туги поширюється не тільки на

персонажів роману, але зазначається як загальна властивість, яка характерна для епохи *fin de siècle*. Танатологічний характер туги також виникає зі спрямованості цього почуття до сфери трансцендентного. Туга активізує ту сферу душі героїв Сологуба, яка співвідноситься з «нижньою безоднею», що протистоїть пам'яті про «інший, кращий світ». У романі «Важкі сни» герої прагнуть подолати силу туги, що спустошує їхні душі, і зробити своє життя повним, символом чого є символістський мотив радості-страждання. Парадоксальним чином туга, будучи одним з найважливіших індикаторів втрати ціннісних орієнтирів і кризи культури, свідчить про потенційну можливість відшукування основ людської сутності навіть в умовах тотального омертвіння наявного буття.

Ключові слова: танатологічний мотив, туга, мотив радощів-страждання, сфера трансцендентного.

Аннотация

Л.В. Гармаш. Мотив тоски в романах Ф.К. Сологуба

«Тяжелые сны» и «Мелкий бес» (танатологический аспект).

Статья посвящена анализу мотива тоски в романах Федора Сологуба «Тяжелые сны» и «Мелкий бес». Автор статьи считает, что чувство тоски активно воздействует на героев Сологуба, разрушая их как телесно, так и духовно, на основании чего делается вывод, что мотив тоски имеет явно выраженные танатологические признаки. Деструктивный характер тоски распространяется не только на персонажей романа, но отмечается как общее свойство, которое характерно для эпохи *fin de siècle*. Танатологический характер тоски также проистекает из устремленности этого чувства к области трансцендентного. Тоска активизирует ту сферу души героев Сологуба, которая соотносится с «нижней бездной», противопоставленной памяти о «другом, лучшем мире». В романе «Тяжелые сны» герои стремятся преодолеть опустошающую силу тоски и сделать свою жизнь полной, что символизирует символистский мотив радости-страдания. Парадоксальным образом тоска, будучи одним из важнейших индикаторов утраты ценностных ориентиров и кризиса культуры, свидетельствует о потенциальной возможности отыскания основ человеческой сущности даже в условиях тотального омертвления наличного бытия.

Ключевые слова: танатологический мотив, тоска, мотив радости-страдания, область трансцендентного.

Summary

L.V. Garmash. The motif of Anguish in Fyodor Sologub's Novels "Heavy Dreams" and "The Petty Demon" (the Thanatological Aspect).

The article is devoted to analysis of the motif of anguish in Fyodor Sologub's novels "Heavy Dreams" and "The Petty Demon". The author of the article believes that the sense of anguish actively affects Sologub's characters, destroying them both physically and spiritually. On this basis it was concluded that the motif of anguish has clearly expressed thanatological meanings. The destructive nature of anguish applies not only to the characters of the novel but is noted as a common feature, which is typical for the era of the *fin de siècle*. Thanatological peculiarity of anguish also comes from the aspiration of this feeling to the transcendental sphere. Anguish activates the sphere of the character's soul, which refers to "the lower abyss", as opposed to the memory of "another better world". In the novel "Heavy Dreams" characters strive to overcome the devastating force of anguish and make their life full, which symbolizes the symbolist motif of joy-and-suffering. Paradoxically anguish, being one of the most important indicators of loss of value orientations and cultural crisis, demonstrates the potential of discovering the fundamentals of human nature even in conditions of total mortification of earthly existence.

Key words: thanatological motif, anguish, motif of joy-and-suffering, transcendental sphere.

Інформація про автора

Гармаш Людмила Вікторівна: ORCID: 0000-0002-8638-3860; кандидат філологічних наук, доцент кафедри світової літератури Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди; вул. Блюхера, 2, м. Харків, 61168, Україна